Глава 362

Две порции крови зверя

Если говорить о силе, то на данный момент Чу Синхань уступал Цэн Ши. Если говорить о потенциале, то Чу Синханю было не сравниться с Лун Цзяйсюэ.

Но в плане проницательности и стойкости характера ни один из них не мог сравниться с Чу Синханем. Он умел смотреть на мир незамутненным взглядом и был даже рассудительнее чем Мастер Шуйюэ.

Старший брат Цэн Ши и младшая сестра Лун Цзяйсюэ явно не могли ужиться вместе.

Его уважаемому мастеру никогда не удавалось разобраться с этой проблемой.

Но Чу Синхань был умен. Само собой, он даже и не думал давать Мастеру Шуйюэ какие-либо советы: он прекрасно понимал, что ничего этим не добьется, а лишь навлечет неприятности на свою голову.

Мастер Шуюэ наверняка бы подумала, что он просто клевещет на них из зависти.

А потому мудрее всего было оставаться в стороне, говорить как можно меньше и вообще не лезть в это дело.

Цзян Чэнь? Чу Синханю было наплевать на него. Он не был похож на Цэн Ши. Он хоть и уважал Мастера Шуйюэ, но не настолько, чтобы умереть ради нее.

Раз уж Лун Цзяйсюэ и Цэн Ши так преисполнены энтузиазма, пусть сами во всем и разбираются. В любом случае, он был слабее их, так что пусть развлекаются сами как им угодно.

Чу Синхань прекрасно понимал, что не сможет подружиться с Лун Цзяйсюэ. Она явно не испытывала к нему никакой благодарности за то, что он спас ее в Восточном Королевстве.

Как знать, может, она даже ненавидела его. Все-таки в тот раз у него была возможность убитть Цзян Чэня, но он не воспользовался ей, решив, что лучше будет привести его в секту на суд мастера.

Тогда Чу Синхань даже зауважал Цзян Чэня, и ему не хотелось убивать гения только затем, чтобы порадовать Лун Цзяйсюэ.

Но, видимо, после того случая Лун Цзяйсюэ затаила на него обиду, особенно учитывая то, как она опозорилась в том матче, выставив себя полной дурой.

Он был одним из трех людей, ставших свидетелями ее позора. Кроме него еще были Юй Цзе и Сюй Чжэнь. А теперь оба они были мертвы.

Лун Цзяйсюэ с ее-то гордостью явно неприятно знать, что существуют свидетели ее позора. Следовательно, скорее всего, она не просто не питала к нему никакой благодарности, но даже желала ему смерти.

Чужая душа – потемки.

У Чу Синханя сложилось следующее представление о Лун Цзяйсюэ: ради достижения своей

цели она не остановится ни перед чем.

Любой, кто вызывал ее неудовольствие, рассматривался ей как преграда на ее пути.

А потому он понимал, что лучше всего будет не ввязываться во всю эту историю.

Благосклонность мастера была важна, но Мастер Шуйюэ заботилась о нем не настолько сильно, чтобы он рисковал своей жизнью ради нее.

Чу Синхань умел расставлять приоритеты относительно окружающих, и к тому же он прекрасно понимал, какое место он занимает в сердце мастера.

Цэн Ши усмехнулся словам Чу Синханя: «Значит, кто-то поддерживает Цзян Чэня. Но, кто бы ни поддерживал его, по сравнению с даром нашей младшей сестры меркнет любой талант. Младшая сестра, вскоре начнется третий цикл. Мне пора возвращаться. Дай нам знать, если что-нибудь случится».

Лун Цзяйсюэ слегка поморщилась. Она пригласила их, чтобы выслушать их идеи.

Поднявшись, Чу Синхань улыбнулся: «Что ж, в таком случае, я тоже пойду вслед за старшим братом. Младшая сестра, не переживай по этому поводу. Будь у этого Цзянь Чэня хоть три головы и шесть рук, ему суждено быть не более чем ступенькой пути твоего восхождения!»

Эти добрые слова ничего ему не стоили, думал он, так почему бы не подбодрить ее таким образом?

Лун Цзяйсюэ была несколько подавлена, но не подавала виду, пока два старших брата не ушли со двора и не исчезли вдали.

«Хм, похоже, они оба не хотят подчиниться мне. Цэн Ши, я знаю, почему ты не хочешь принять меня: тебе кажется, что я украла твое высокое положение старшего ученика. Если ты понимаешь, что хорошо для тебя, ты подчинишься мне. В противном случае не вини меня, если наши отношения испортятся и мне придется принять жесткие меры!»

Лун Цзяйсюэ никогда не отличалась особой добротой. Хотя пока Цэн Ши явно ничего не замышлял против нее, даже в своей манере речи он невольно выдавал свои вполне очевидные намерения.

Все эти разговоры о суженом враге, о поддержке – здесь все было достаточно очевидно.

…..

Для Цзян Чэня настал последний день в земном секторе.

Баллы участников были озвучены заранее. Вне всяких сомнений, Цзян Чэнь оказался бесспорным чемпионом.

Но ни Лю Вэньцай, ни Толстяк Лю не вошли в первую десятку и не получили право попасть в небесный сектор.

Тем не менее, Лю Вэньцай был вполне доволен собой. Перед тем, как он попал в земной сектор, он боялся понижения, находясь в полной уверенности, что его отправят обратно в духовный сектор.

Но благодаря его дружбе с Цзян Чэнем Лю Вэньцай стал намного сильнее за эти три месяца. Он набрал достаточно баллов, чтобы попасть в сотню лучших из пятисот кандидатов земного сектора.

Толстяк Лю тоже продвинулся вперед на целых сто мест со времени последнего цикла. Из третей сотни он попал во вторую.

Все они намного быстрее росли над собой.

«Ах, как же мимолетны наши человеческие связи. Брат Булыжник, мне так грустно вот так расставаться с тобой». Печаль промелькнула в глазах Лю Вэньцая, но затем он рассмеялся над самим собой: «Главное, что перед Братом Булыжником открывается большое будущее в небесном секторе. Мне следует радоваться за тебя».

«Ну, я хочу произнести тост за Брата Булыжника! Пусть твои силы не убудут в небесном секторе! Желаю тебе войти в список шестидесяти четырех, а затем попасть в финал шестнадцати!»

После второго отбора останутся шестьдесят четыре кандидата, которые будут бороться за место в финале шестнадцати.

Последние шестнадцать кандидатов станут личными учениками четырех старейшин и будут учиться у четырех почитаемых культиваторов изначальной сферы.

Это было почти несбыточной мечтой любого культиватора шестнадцати королевств.

«Я тоже хочу произнести тост за Брата Булыжника». Толстяк Лю тоже сегодня был в смущенных чувствах. Обычно он сильно отличался от Лю Вэньцая; тот все время был необычайно бодр, с душой нараспашку. Толстяк Лю считал себя очень сдержанным человеком.

Но сегодня его внешнее спокойствие было омрачено меланхолией расставания. Весь день он был несколько подавлен.

Ведь он так долго пробыл в земном секторе, но мало кто относился к нему с уважением. Эти двое стали его настоящими друзьями в земном секторе, друзьями, каких редко сыщешь.

Особенно это касалось Цзян Чэня, Толстяк Лю чувствовал себя в необычайном долгу перед ним.

Каждое слово, каждый жест сильно повлияли на Тослтяка Лю, сделав его куда увереннее в себе.

Более того, этот мирской гений сильно отличался от прочих гениев из сект. Он не задирал нос и не выбирал друзей исходя из их потенциала, происхождения или внешнего вида.

Он завоевывал друзей своей искренностью.

И они отвечали ему взаимностью. Только так можно было завести настоящего друга.

Хотя бывалый Толстяк Лю отличался своеобразной хитростью, это был лишь способ выживания, взятый на вооружение скорее из чувства обреченности. Он вовсе не был бессердечным парнем.

А потому он смог оценить Цзян Чэня по достоинству. Мирской гений помог Лю Вэньцаю и

Толстяку Лю сильно измениться.

Он помог им стать сильнее, помог им морально и дал им почувствовать себя хозяевами своей судьбы.

Цзян Чэнь смотрел на двоих друзей и его переполняли очень схожие чувства.

Хотя он прожил целых две жизни, он всегда ценил человеческие отношения. Он никогда не пытался избавиться от простых человеческих чувств.

Особенно он всегда ценил дружбу.

«Я считаю вас своими друзьями, которых я обрел в земном секторе. Вы цените меня и обращаетесь со мной как со старшим братом. Раз уж я оказался старшим братом, надо вести себя соответствующе. Завтра я отправляюсь в небесный сектор, но напоследок я должен вам кое-что дать».

Неужели подарки?

Лю Вэньцай и Толстяк Лю замерли на месте. Они и не ожидали такого.

Для них величайшим подарком была возможность ежедневно общаться с Братом Булыжником, слушать его наставления и тренироваться с ним.

Так он еще и собирался дарить им подарки?

Что до подарков, то, по идее, они, члены сект, должны были обладать большими средствами, чем мирские культиваторы. Если кто-то и должен был дарить подарки, так это они.

Быстрым движением правой руки Цзян Чэнь достал две фляги размером с кулак.

«Эти две фляги с кровью зверя могут оказаться для вас полезными. Вы оба из Секты Мириады Духов и обычно используете кровь зверя для культивации, верно? Особенно это касается тебя, Вэньцай, мне кажется, что ты обладаешь невероятным потенциалом, которому еще лишь предстоит раскрыться. Возможно, твое тело скрывает многие другие секреты, но пока трудно сказать. Возьмите эти две фляги и очистите их. Помните, что вы должны очистить их самостоятельно, и никому их не дарите. Не спрашивайте, какого зверя эта кровь и каков был ранг того зверя. Просто знайте, что эта кровь необычайно ценна. Если вы потеряете ее, вы будете жалеть об этом всю свою жизнь».

Эта кровь была собрана из тела Красночешуйчатой Огненной Ящерицы. Хотя Цзян Чэнь отдал плоть и кровь ящерицы Золотозубым Крысам, он оставил немного и себе.

Он набрал несколько дюжин таких небольших фляг. Но, учитывая огромный размер Огненной Ящерицы, в этих флягах не было и одной тысячной доли ее крови.

Огненная Ящерица была существом святого ранга, стоящего на одном уровне развития с человеком-культиватором изначальной сферы.

Даже старейшине Нинелиону из Секты Мириады Духов было был трудно добыть кровь одного зверя такого уровня, не говоря уже о двух.

Само собой, двух таких маленьких фляг было недостаточно, чтобы воссоздать кого-либо.

Но даже капли этой крови, затмевающей своим могуществом небеса, было достаточно, чтобы улучшить чей-либо потенциал. Уже одно это было поистине невероятно.

Даже малой толики линии крови существа святого ранга любому культиватору хватило бы до конца его дней.

Услышав эти слова Цзян Чэня, они не посмели мешкать. Едва они взяли фляги и сжали в своих руках, они тут же почувствовали мощную духовную энергию, которая словно хотела побыстрее проникнуть в их тела.

«Какая мощная энергия жизни!» - невольно воскликнул Толстяк Лю.

Цзян Чэнь слегка улыбнулся, подумав, что иначе и быть не могло, учитывая происхождение этой крови.

Оба друга поняли, насколько драгоценна эта кровь, и с величайшей осторожностью убрали фляги словно бесценные сокровища.

«Помните, что об этом ни с кем нельзя говорить, иначе вы можете навлечь на себя смерть».

«Конечно же, я даже в своих снах не стану об этом говорить», - тут же пообещал Толстяк Лю.

Лю Вэньцай слегка кивнул, но у него на лице и так все было написано: слова здесь были ни к чему.

«Вэньцай, вот свиток об укрощении зверей, который ты дал мне в тот раз. Я прочитал его и у меня осталось весьма приятное впечатление. Я тщательно изучил его и теперь возвращаю тебе. Еще я внес туда кое-какую новую информацию, которая может тебе пригодиться. Можешь почитать, если как-нибудь заскучаешь».

С этими словами Цзян Чэнь отдал Лю Вэньцаю свиток.

http://tl.rulate.ru/book/27/291421